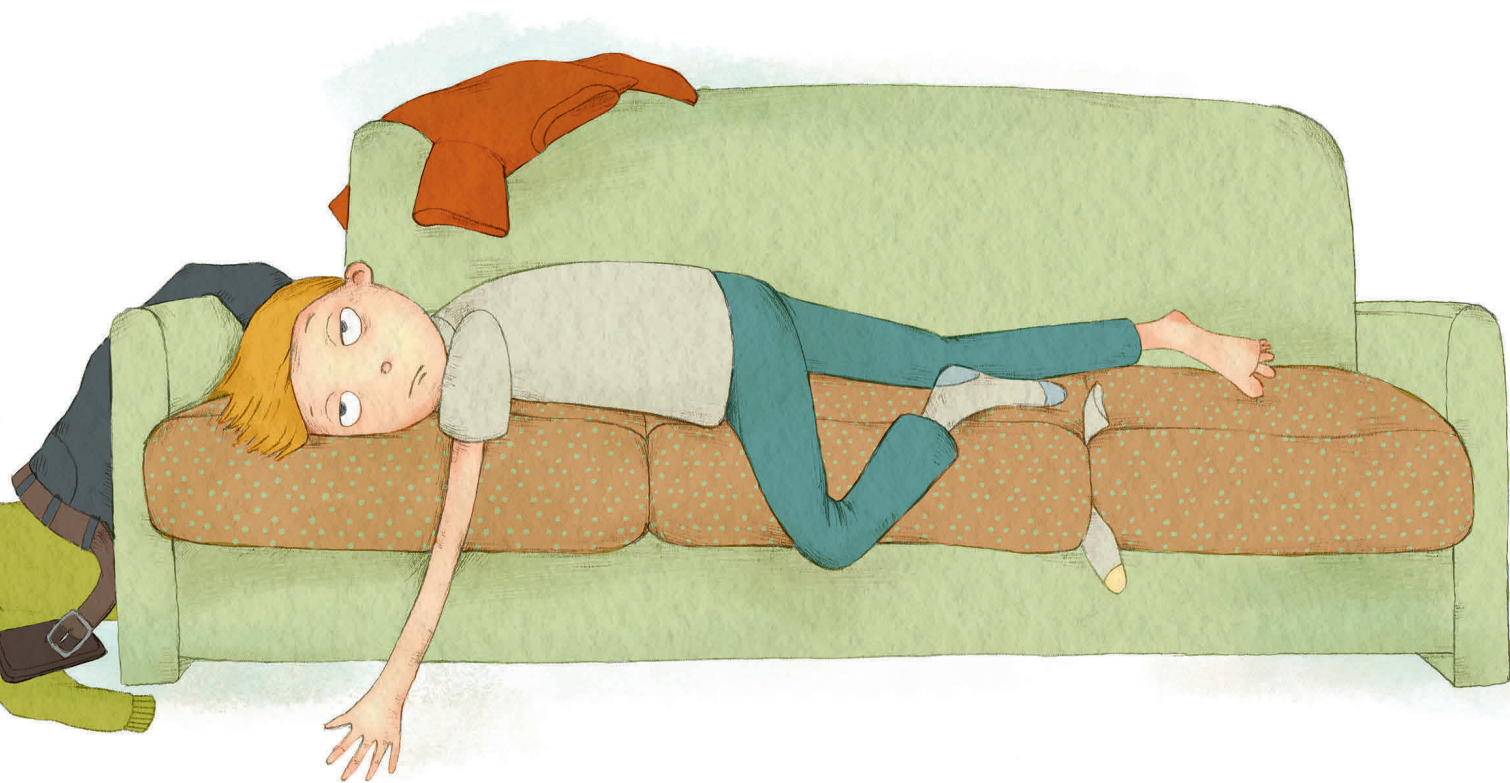

Типичным представителем фауны в Софийской котловине является так называемый городской соня. Его активный период – от двух недель до трех месяцев. Остальное время проводит в зимней спячке. В длину достигает 180 см, но часто можно встретить особей и ниже 140 см. В естественном состоянии спит примерно до двенадцати часов дня, а проснувшись, занят поиском пищи. В случаях раннего пробуждения соня устраивает гнездо на диване, где снова впадает в состояние летаргии. Окрас разнообразен, при этом в одних случаях он может меняться несколько раз в минуту, в других же – остается неизменным несколько дней. Ученые пока не установили связи между изменением окраса и климатическими условиями.

Теперь, когда вы знаете обо мне столько всего, помогите найти второй носок.

Марти

Каникулы закончились, мое путешествие тоже, и я вернулся в свою естественную среду обитания, как травинка пробивается сквозь асфальт. Неделью назад приехал в город на бабушкиной машине. По дороге я размышлял, какие же из всех этих странных событий произошли со мной на самом деле, а какие только приснились. Все лето я провел с двоюродным братом Тони и сестренкой Майей. Трое неразлучных друзей. Нырлял за мидиями. Превращался в вампира, домового, в картину одного художника. Спорил с коровами. Гонял куриц (и Тони). Ел зелень. Ездил на сафари в старом джипе. Начал встречаться с девушкой.

Последнее настолько невероятно, что директор должен был бы упомянуть об этом на линейке первого сентября.

Хотя с моим ростом я бы его не увидел.

Еще в июне я был нормального роста, а сейчас передо мной высилась гора широченных плеч и толстенных шей с растительностью на них. И речи быть не могло, чтобы я попросил друзей немного расступиться. Все сразу бы заметили, что я коротышка. Хотя возвышаться надо мной и загораживать свет тоже не по-приятельски. Я чувствовал себя ребенком в толпе взрослых. Светленьким, аккуратненьким, в свитерочке с ромбиками. В придачу в руках у меня была фиалка в горшке, которую мама купила для нашей классной.

И тогда я услышал ее.

Она рассказывала девочкам, из какого она города, почему они переехали и что на каникулах с ней не случилось ничего особенного.

Я зачихнул фиалку как можно глубже в рюкзак.

«Смотреть, как растет трава» в некоторых языках означает умирать со скуки. Почему? Потому что кажется, будто она растет ужасно медленно. На самом деле травы растут сравнительно быстро. Не то что дуб, которому надо месяцев восемь, чтобы пустить корни, и еще 50-100 лет, чтобы до конца вырасти. Некоторые растения, например луковичные, должны сначала прожить в холоде и темноте, чтобы потом прорасти. Как будто внутренний голос им подсказывает: «Все самое страшное позади!» Уназе говоря, люди все же растут сравнительно быстро. Но не настолько, как мне иногда хочется!

Я ЗНАЮ, что фиалка не может жить в рюкзаке! Там же нет ни солнца, ни воды. Интересно, а почему плесени на забытых бутербродах это все не мешает? В следующей жизни я хочу быть плесенью.

Тони

Если верить бабушке, быть ребенком и расти в Софии — одно сплошное мучение. Грязно. Все продукты из магазина. Человек живет вдали от природы. Дальше можно ее не перебивать, а только считать, сколько раз она скажет слова «свежий воздух», «здоровье» и «бетон».

Но ее можно понять. Моя бабушка — фотограф в журнале «Нешнл географик. Болгария». Она снимает редкие травы, скалы и пучеглазых насекомых с ярко-красным ядовитым жалом. А вот я родился в городе. И хотя бабуля все лето водит меня по природным аттракционам (так она делает со всеми своими внуками), я все равно возвращаюсь в город. Ведь дом там, где ты ходишь в школу.

Впрочем, на этот раз бабушка тоже оказалась в заточении в каменных джунглях. Она сломала ногу, когда залезла на складной стул, чтобы достать «Пятиминутные рецепты для тех, у кого есть дела поважнее» с верхней полки в кухне. Но вы кивайте с пониманием и восхищением, когда она будет вам рассказывать какую-нибудь официальную версию (про медведя и святилище древних фракийцев — моя самая любимая). Если бабушка узнает, что я проболтался, то очень разозлится. И куда мне потом податься, когда мама и папа снова поссорятся?

В такие дни я очень рад, что мне есть куда пойти. Родители не разговаривают друг с другом, и я чувствую себя виноватым каждый раз, когда говорю что-нибудь хорошее одному из них. А второй это слышит. Как будто меня поймали с корзинкой пирожков перед входом в лагерь врага. Даже воздух становится тяжелым, как свитер, который повесили на балкон туманным сентябрьским днем. На душе тошно, делать ничего не хочется. Разве только расчертить пол на квадратики, чтобы уж точно не оступиться и не вторгнуться на чью-нибудь территорию.

Тогда я говорю родителям, что дядя должен мне помочь с уроками, и смываюсь к бабушке. Мой дядя живет в одном доме с бабушкой, но двумя этажами выше, и работает учителем биологии в нашей школе. Свои обширные познания в этой области он применяет на огороде: выращивает клубнику, картошку, помидоры, ухаживает за двумя коровами, четырьмя поросятами и двумя лошадьми. Все это плюс огромные плантации виноградников и лаванды составляют его богатые угодья в игре «Фармвилль». За пределами виртуального мира дядя не выращивает ничего, кроме плесени в тарелках и раковине. Ничему он меня не учит, если, конечно, не считать его бесконечные советы, как вести себя с девочками. Там дядя вдохновляется, начинает чертить стратегические планы, рисовать схемы и разыгрывать диалоги. Иногда он заявляет, что к нему в гости нельзя, потому что он не один. Не знаю, правда ли это, но на всякий случай я не подпускаю бабушку к биоразнообразию в дядином умывальнике.

Честно говоря, плесень жутко интересная, хотя и немного гадкая культура. Ведь с ее помощью делают голубой сыр и некоторые лекарства.

Хотя сегодня бабушка и сама бы ничего не заметила. Уже полчаса она спорила по телефону с редактором своего журнала. Она рассказывала про сломанную ногу, медведя и специальный механический стул, который надо ей купить, чтобы она отправилась снимать тритонов в Осоговских горах. Но из того, что я слышал, было ясно, что в ближайшее время ей придется искать природу в Софии. За занавесками две ленивые мухи подслушивали бабушкин разговор и нагменно улыбались, а я тихонько опустошал холодильник.

Тритоны похожи на худых лягушек с длинными хвостами. Они также зем-то напоминают ящерицу, но у них нет гешуек.

Марти

Бесит, когда расскажешь кому-то о своей несчастной любви, а в ответ услышишь... умиление. Как будто это моя сестренка Майя опять рассказывает, как ей хочется завести домашнее животное. Нет, мама мне сочувствует, даже очень. Я уверен, что где-то глубоко в шкафу лежит специальный комплект для моего первого свидания, аккуратно сложенный в пакет и подписанный.

А папа... Мой папа вообще на другом конце света. Он оператор, снимает фильмы в Голливуде и возвращается домой два раза в год. Так что дома меня окружают одни женщины: мама, сестра Майя, иногда бабушка. А, да, и фиалка, про которую я вспомнил, когда пришел домой (и открыл рюкзак на следующий день).

Я написал Тони, спросил, как у него дела. Мы решили действовать самым простым способом: позвонить девочкам (их телефоны мы взяли еще на каникулах) и договориться о встрече. Лучше пока вчетвером, чтобы не возникло лишних вопросов. И чтобы помогать грузу грузу, если темы для разговора вылетят из головы, как теорема о внешнем угле треугольника на контрольной по математике. И тогда нам не надо будет звонить каждой из них. Ладно, вы уже поняли: я немного боялся.

Что угодно могло пойти не так. Девочки могли не прийти. Могли прийти, но им было бы скучно слушать о матчах и машинах. А это были единственные темы, на которые мы могли говорить часами. Потом, девочки могли решить, что мы занудные. Тони сказал добавить к этому «и некрасивые». Нам могло не хватить денег, чтобы заплатить в кафе. Или мы могли бы задержаться, так что пришлось бы звонить родителям и объяснять, где мы и что с нами. В общем, если мне когда-нибудь попадется тема сочинения «Что может пойти не так на свидании с девочкой», то я знаю, как написать его на «отлично».

С другой стороны, иногда свидания все же полукаются. Унаге как бы я тогда появился на свет? Да и вы тоже.

До встречи оставалось три часа, и мы пошли к гряде за последними инструкциями. Но гряды были внизу, в палисаднике бабушки. Вообще-то бабушка редко просит кого-то помочь, разве что доест последний кусочек. Но теперь она мобилизовала гряды позаботиться о контуженных и раненных на поле боя, то есть он должен был таскать воду для растений, которым нелегко дался сухой режим, пока бабушки не было. Сама бабушка спустилась на костылях, чтобы осмотреть потери и руководить действиями спасательного отряда. В целом, растения держались стойко, по-мужски. Я увидел розы, какие-то высокие желтые маргаритки с черной серединкой, темно-красные, согнутые вниз кисточки соцветий и какой-то явно жизнеспособный зеленый куст, увенчанный белым цветочком, как толкатель ягря заколочкой.

Оказывается, это был амарант – основная пища ацтеков. Из его семян они делали фигурки бога солнца Уицилопоцтли, который был похож на птицу. Бабушки часто зовут амарант щирицей и считают сорняком.

Я показал бабушке куст, чтобы она наконец убедилась, что с ее цветами все в порядке, и отпустила дядю позаботиться о наших увядших умах. Но оказалось, что мой толкатель ядра — это сорняк. И мне поручили искоренить его до седьмого колена. Тони отправили помогать с поливом, хотя помощи от него было ноль. Он в основном поливал свои ноги, а не цветы. По полю боя бегала еще и моя трехлетняя сестра Майя. Она находила разных букашек и тайком опускала их в бабушкину сумку, чтобы потом сделать домашними любимцами.

*Дурман. Очень ядовитое растение.
Есть даже книга с таким названием,
мы когда-то ее проходили в школе.*

